

Эрратография как современная страница истории русского языка и
Интернет как источник ее существования

Ю. В. Уткин

Казанский государственный университет, Казань, Россия

За последнее десятилетие необычайно выросло и продолжает расти число российских пользователей Интернета, в том числе использующих его для неформального общения и развлечений. Этому процессу сопутствует смещение в Интернет, точнее, в сферу неформального письменного общения с помощью электронных средств также и русского языка. Новая среда, приблизившая письменную речь по функциям, задачам и стилю к разговорной, продемонстрировала такие интересные особенности его функционирования, которых ранее не было и которые вне ее проявиться не могли.

Таково явление нарочитого искажения орфографии с тенденцией к приближенному сохранению фонетического облика слова (*хочецца, аффтар, сотона* и пр.), впервые возникшее в Интернете еще в 1990-х (появились блоги), а максимальную популярность набравшее с 2006 г. (образ Медведа). Подобное нарушение орфографии может существовать только в письменной форме, а существовать массированно – только в Интернете, поскольку именно Интернет обеспечивает свободу текстов в грамматическом отношении и легкость их публикации. Цель искажения – повышение экспрессии и поддержание корпоративности в письменной сетевой коммуникации [Дедова 2007: 342].

Однако данное явление: 1) представляет собой страницу истории русского языка, прежде всего графики и орфографии, и культурно-исторически мотивировано (ср.: реформы Петра I – создание новой графики; революция 1917 г. – реформа и жесткое нормирование орфографии; перестройка 1991 г. – забвение ценностей культуры, разнообразные девиации – общее снижение грамотности, нарочитое искажение орфографии и т.п.; это согласуется с мыслью основателя историко-культурного подхода в русском языкознании Ф. И. Буслаева о том, что язык «сопутствует народу ... в исторической его жизни» [Буслаев

1863: 9]); 2) демонстрирует новизну в использовании принципов орфографии и показывает их новое сочетание.

Таким образом, исследуемое явление – современная страница истории русского языка, а база его существования – Интернет.

Для обозначения нарочито грубого искажения стандартного написания слова Г. Гусейновым было введено понятие эрратива [Гусейнов]; систему таких написаний часто называют антиорфографией [Дедова 2007: 342]. Представляется, что наименование *эрратография* было бы более удачным, т.к. *анти-* предполагает противоположность или враждебность, но *антиорфография* может существовать и тем более быть понятной лишь в корреляции с орфографией (см. ниже), имеет сравнительно узкую сферу употребления (своего рода письменный социолект), является сравнительно непоследовательной (так, *-тся/-ться* в нашей выборке было замещено эрратическими вариантами 75 раз, написано нормативно 38); термин же *эрратография* отразил бы суть явления (массированное употребление эрративов в письменном тексте) и оказался бы в генетической связи с уже используемыми терминами (*эрратив*, *орфография*). Итак, эрратография – совокупность текстов с содержанием эрративов как основной характеристикой; принцип преднамеренного искажения орфографии.

Нами был проведен анализ эрратических текстов рубежа 2007-2008 гг., случайно выбранных на сайтах, публикующих контркультурные, в том числе эрратические, *креативы* – www.udaff.com, www.padonki.org, www.prevedmedved.ru; объем выборки – приблизительно 12500 словоупотреблений (из них около 3400 – эрративы). В результате анализа употребления эрративов были сделаны следующие выводы.

Хотя иногда основным принципом эрратографии называют фонетический (например, [Вепрева 2007: 28]), это, на наш взгляд, не так.

Эрративы – основные образующие элементы эрратографии (в первом понимании), но они не являются ни единственными, ни наиболее частотными элементами (лишь около 28% словоупотреблений в нашей выборке), они существуют и воспринимаются в содержащем их тексте,

написанном с применением в основном морфологического принципа орфографии.

Эрратические написания действительно часто соответствуют фонетике более точно, чем нормативные написания (*аццкий, ацуцтвие, радуюца* и пр.), но недостаточно часто, чтобы говорить о фонетическом принципе создания эрративов как системообразующем. Число эрративов, соответствующих фонетической форме слова, не превосходит числа эрративов, соответствующих ей менее (*бесграмотные, будоражат, енапланетян, боярышнега, Олегзандор 'Александр'*) или не более (*армея, пассажъ*), чем правильные написания.

Основные принципы русской орфографии – морфологический, фонетический, традиционный [ЛЭС 1990: 350]. Эрратография как явление, основанное на орфографии, также должно опираться на них, однако в данном случае о традиционном принципе вряд ли можно говорить (при создании эрратива важен только облик исходного для него слова или морфемы; при функционировании же – слабые позиции в произвольном эрративе вообще не представляется возможным проверить), поэтому включаем его в морфологический.

Итак, принцип эрратографии – контаминация морфологического (сохранение морфемы) и фонетического (соответствие произношению) принципов орфографии; искажение отталкивается от верного написания независимо от принципа, на котором основано последнее, не следует за произношением, но стремится не очень отклоняться от него. «Принцип отталкивания» объясняет такие общие типы эрратограмм, как следование фонетическому принципу в противопоставление орфографии (*аружья, пйом 'пьем'*), нарушение фонетического принципа орфографии (*расвести 'развести', бесграмотный*), нарушение обоих (*абъявилсо, бджоловод 'пчеловод'*), следование морфологическому принципу при словоизменении эрратива, отражающееся в содержащей эрратограмму морфеме (*боярышнега*).

Механизм создания эрратива в общем таков: если данное звуко- или буквосочетание (например, *-ться* и *-шь*) может быть письменно выражено

несколькими способами (возможными с точки зрения графики или зависящими от слова или морфемы), то эрративные варианты тех же слов будут образованы ненормативным применением тех же средств, обычно с не очень выраженным отклонением от произношения (*СЧастью, еЩе - Щастью, иСЧо, ОбразуетСя, пальЦами - АбразуетЦо, пальТСамЕ*). Отсюда и частая, но не обязательная взаимозамена $тс > ц(ц)$, $ц > тс$; $щ > сч$, $сч > щ$; $и > е$, $е > и$; $о > а$, $а > о$, смена букв в сильной позиции (*кр~~о~~сса~~в~~чеГа*) и т.п.

Механизм же восприятия эрративов и эрратических текстов заключается в следующем. В русском языке вообще широко используется возможность передачи коннотации нарушением норм, она присуща каждому из 4 языковых уровней [Солнцев], а также графике и орфографии. При серьезном нарушении нормы на одном из уровней поддержка других обеспечивает понимание текста («Глокая куздра...» Л. В. Щербы: морфологический и синтаксический уровни поддерживают не несущий смысла лексический уровень, позволяя говорить о конструкции как о фразе); при серьезных нарушениях в графике и орфографии значение эрратива вне контекста восстанавливается за счет морфологического оформления, контекст добавляет ресурсы синтаксического уровня и лексики. Однако главный «восстановительный ресурс» – это фонетика: приблизительно с эрратических нарушений не отражаются на произношении записанного слова или отражаются слабо (подчеркнем: речь здесь идет именно о восприятии эрративов).

Форма существования исследуемых эрративов – письменная. Тексты, содержащие их, предназначены только для визуального восприятия, ведь произнесение сделало бы неразличимыми практически все отступления от нормы. В письменной среде интернет-общения фонетика нивелируется, а графика, по существу, занимает ее место в системе языка. Но самое эффективное средство восприятия чрезмерно затрудняющих понимание написаний – именно произнесение.

Отметим произвольность и спонтанность создания эрративов. Нормы эрратографии не зафиксированы и очень редко хоть сколько-нибудь

обязательны для соблюдения; эрратив может быть спонтанно создан из любого слова сравнительно произвольным искажением любого его элемента. Отсюда разнообразие эрратических вариантов одного и того же слова или их соседство с нормативным написанием того же слова, той же морфемы.

Письменная форма языка обычно считается вторичной по отношению к устной (Соссюр, Истрин и мн. др.). Однако эрратография – явление, невозможное в устной форме языка, но употребительное и жизнеспособное (на данный момент) именно в форме письменной (прежде всего в письменной Интернет-коммуникации). Это наводит на мысль о смещении отношений между письмом и речью в определенных условиях, а также о необходимости признания электронных ресурсов все более интересной базой исследования различных явлений в современном русском языке, становящейся все более важной в процессе письменной коммуникации.

Список литературы

- Буслаев 1863 – *Буслаев, Ф. И.* Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М., 1863. – 374 с.
- Вепрева 2007 – *Вепрева, И. Т.* Орфография как знак идентичности / И. Т. Вепрева // Русский язык в центре Европы-10. – Банска Бистрица, 2007. – С.26-34.
- Гусейнов – *Гусейнов, Г.* Введение в эрратическую семантику [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов. – Режим доступа: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm, свободный. – Загл. с титул. страницы.
- Дедова 2007 – *Дедова, О. В.* Антиорфография в Рунете / О. В. Дедова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III международный конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы. – М., 2007. – С. 342-343.
- ЛЭС 1980 – *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Солнцев – Солнцев, В. М. О понятии уровня языковой системы.
[Электронный ресурс] / В. М. Солнцев. – Режим доступа:
http://philology.kiev.ua/Lingur/art_28.htm. – Загл. с титул. страницы.

Erratography as a contemporary page in the history of Russian and the Internet
as a source for its study

Yuriy V. Utkin

Kazan State University, Kazan, Russia

This paper discusses the phenomenon of intentional distortion of a words' spelling, a stage in the history of the Russian language with analogues in the past related to important parts of the present language system. It exists mainly in the Internet, so electronic resources are used to study it.

Our research allowed us to draw conclusions about the mechanisms for creating and perceiving distorted words and about the new combination of principles of Russian spelling that it reveals.